

Елена САДЫКОВА

ཀལཤམ་
བཤམ་

Елена Геннадьевна Садыкова

Колодец душ

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23961249

Колодец души / Елена Садыкова: Юнион Консалтинг Групп; Москва; 2015

Аннотация

Семь веков назад Цзонкапа, основатель Гелугпа, самой могущественной буддийской секты на Тибете, объявил Мечты и Желания опасными порождениями человеческого разума. Ради своих желаний человек способен не замечать никого вокруг, платить не только своей жизнью, но жизнями своих близких за достижение своей мечты.

Желания – самый сильный двигатель и самое сильное разрушающее средство, заложенное

в человеке. Можно ли отказаться от своих Желаний? Можно ли не погнаться за Мечтой? Не всегда человек решает за себя сам. Найдутся те, кто будет решать за вас...

Содержание

Часть I	5
1	5
2	9
3	14
4	17
5	20
6	23
7	27
8	37
9	40
10	43
11	47
12	50
13	54
14	57
15	66
16	73
17	77
18	81
19	88
20	91
21	94
22	98

Елена Садыкова

Колодец душ

Часть I

1

Утренний звонок вывел меня из сладкого оцепенения и заставил посмотреть на часы – около трех утра. Номер был московский, и это заставило меня сразу проснуться. Кто бы ни звонил, наверняка у него есть веские причины на столь ранний звонок. Я приклеила телефон к уху и постаралась говорить как можно разборчивее сквозь зевоту:

– Слушаю.

На другом конце провода нервно прошипели:

– Мне нужен твой муж!

Узнаю подругу.

– И тебе привет. Муж мне самой пока не надоел. Так что перезвони позже, может, появится перспектива.

Алка, оказалось, не была расположена к дружеским шуткам и повторила:

– Давай Данила!

Я пожала плечами и чуть не выронила телефон.

– Если разбужу – дам. Он после корпоратива, так что на быструю связь не рассчитывай.

Алка молчала, и это молчание меня не на шутку встревожило. Моя подруга не из тех, кто промолчит. Я утопила телефон в подушке, чтобы не упал куда-нибудь, и стала осторожно трясти Данила за плечо. Муж, не открывая глаз, проворчал:

– Меняю здоровый сон на золотой браслет с топазами, который ты просила. Можешь купить, только дай поспать еще пару часиков...

Я продолжала настойчиво раскачивать мужа. Он открыл один глаз и хитро спросил:

– Я и вправду так привлекателен, или ты из вредности не даешь мне спать?

Я обрадовалась, что Данил обрел дар речи.

– Привлекателен. Особенно для Алки. Она тебя хочет прямо сейчас.

Данил обреченно вздохнул.

– Ну вот, как всегда. Только ты подумай, что неотразим, как тебя начинают использовать.

Я сунула ему трубку к уху:

– Тобой еще не начали пользоваться, а ты уже ворчишь.

Данил отмахнулся от меня и перевел внимание на Алку:

– Слушаю тебя.

На другом конце послышалось что-то вроде всхлипываний, и мы с Данилом переглянулись – я впервые за тридцать

лет дружбы слышала, как моя подруга плачет.

– Данил, мне нужен пропуск в Тибет.

Данил удивился:

– Милая, на дворе Новое время. В Тибет впускают всех. Даже иностранцев и журналистов. Даже таких, как ты.

– Меня не пускают.

– Слишком хорошо знают в определенных кругах?

– Можешь не издеваться. У тебя связи, а у меня необходимость.

Данил встал с постели и побрел с моим телефоном в свой кабинет. Я тенью следовала за ним. Муж открыл компьютер и, не отрываясь от телефона, стал что-то искать.

– Ал, я всегда считал, что мои связи по сравнению с твоими – детская песочница.

Алка снова всхлипнула:

– Именно поэтому я и не могу ими воспользоваться. Если мои связи узнают, что я отправилась в Тибет, играть в песочнице будем вместе.

– Ты когда собираешься лететь?

– Могу сейчас,

– Сейчас не могу я. Пойду позвоню кому-нибудь, кто уже не спит. Пока даю жену для женской психотерапии.

Данил кисло протянул мне трубку.

– Что-то у Алки не задалось.

Я взяла трубку с серьезным намерением выяснить, что же такого произошло, раз она решилась выдернуть моего сла-

бонервного мужа самым ранним утром из постели.

– Это любовь?

Алка перестала всхлипывать и попыталась разобраться в самой себе:

– Не уверена. Но симптомы похожи.

Я облегченно вздохнула:

– Ну, поскольку случай не первый, иммунитет имеется.

Что же тебя так расстроило?

– Он перестал звонить.

– Почему Тибет?

– Последний звонок был из Тибета...

2

Шерстяные носки заскользили по кафельному полу столовой, и я чуть не выронила чайник. Чертыхнувшись, я протянула Данилу кружку:

– Наливай сам. Что-то я не в форме.

Данил нехотя поднялся из своего любимого кресла, подошел к чайнику на другом конце стола и медленно нацедил в кружку кипяток.

– Теперь можно думать.

Он утопился обратно в подушках своего огромного кресла вместе с чашкой чая и телефоном. На меня он не обращал никакого внимания, и женское любопытство уже задавало ему вопросы.

– Кому пишешь?

Он, не отрываясь от телефона, процедил:

– Журнал в детстве смотрела?

Я не поняла:

– Какой журнал?

– «Хочу все знать» назывался.

– Смотрела, но мало. А знать хочу. Потому что собираюсь ехать с подружкой.

Данил поставил чашку на стол и телефоном почесал себе за ухом.

– Ну, в принципе, я еще молодой. Сына выращу, жену но-

вую найду.

Я сделала вид, что обиделась.

– Это вы, мужчины, думаете, что находите. На самом деле находят вас. И если тебя никто не найдет, я не виновата.

Муж вскипел:

– Еще как виновата! Ты собираешься засунуться вместе со своей ненормальной подругой невесть куда и во что. Вряд ли кто из вас вернется в добром здравии и при памяти!

– Это еще почему? Туда ездят сотни туристов...

Данил не дал мне договорить:

– Да, и многие возвращаются. Но в тандеме «Ты плюс Алка» эта вероятность слишком мала. Придется мне ехать с вами.

Я запротестовала:

– Ты же сам говорил, что кто-то должен вырастить сына. И посадить дерево. И главное – не перепутать.

Данил сделал попытку примирения:

– Слушай, мне больше сорока пяти. Из них я почти тридцать лет искал подходящую жену. Нашел. И теперь ты предлагаешь мне начать все заново?

Я призадумалась.

– Ну, ты на всякий случай сразу после моего отъезда не ищи, может я еще вернусь.

Данил тяжело посмотрел на меня.

– Может и вернешься. И что я буду здесь без тебя делать?

Я пожала плечами.

– Ты же чем-то занимался сорок с лишним лет, может и теперь найдешь себе дело.

Муж понял, что мысль о Тибете прочно угнездилась в моей голове и теперь ее оттуда не выгнать,

– Ладно, езжайте вместе. Только я отправлю с вами помощника.

Я поперхнулась.

– Я надеюсь, ты не про своего Алексея говоришь! Он же странной ориентации!

– Вот поэтому я за вас спокоен. Вы ни на самолеты ни разу не опоздаете, ни мужского внимания не получите.

– А что получим? Он же тяжелее перчаток ничего в руках не носил! Тогда сразу отправляй с нами и грузчиков таскать его чемоданы, потому что мы с Алкой отказываемся помогать ближнему.

Данил улыбнулся. Он вспомнил, как Алексей приехал на загородный корпоратив с четырьмя чемоданами нужных вещей и пытался разместиться со всем этим в скромных размеров домике.

Я подумала, что эти переговоры хороший знак и муж уже смирился с моим предполагаемым отъездом.

– Скажи ему, чтобы кота своего не брал. Я не знаю, страдают ли коты горной болезнью, но высота там приличная. Около четырех километров, так что кот может не выдержать, а нам откачивать бедное животное будет неохота.

Данил многое прощал своему помощнику, даже то, что

тот постоянно ездит к клиентам со своим котом, уж больно хорош был парень в работе. Но теперь призадумался.

– Если вы отказываетесь взять кота, он притащит его мне. И что я буду с ним делать?

Я развеселилась:

– Не переживай! Он наверняка напишет инструкцию страниц на десять, что и во сколько тебе с этим котом делать.

Данил вздохнул:

– Хорошо, что ты не любишь писать инструкции по управлению детьми.

Я поехала. В прошлый раз, когда Данил оставался с детьми, вместо большого телевизора в гостиной я застала футбольные ворота скромных размеров и в доме пришлось делать косметический ремонт. Так что я старалась не думать, что меня ждет по возвращении.

Данил сделал еще пару звонков и строго сказал мне:

– Иди собирайся. Ты вылетаешь сегодня вечером в Пекин, а тебе еще до Москвы добираться.

– А как же Алка?

– Алка уже по дороге в аэропорт. Встретитесь в Пекинском аэропорту.

– А разрешение на Тибет?

– Тебе это не нужно. Все документы отдадут Алексею. Он будет за вами присматривать. И заодно будет отвечать за финансы этой экспедиции. Может, так удастся избежать тибет-

ских сувениров.

– Это значит, он будет за все платить корпоративной картой? Это в Тибете-то?

– Нет, моими наличными. Я тоже не уверен, что в Тибете принимают кредитки. А платить он будет только за то, что посчитает необходимым и жизненно важным.

– Тогда мы все можем рассчитывать на пару-другую туфель. Он всегда считал туфли жизненно важными.

Муж прикинул в уме, чем рискует, потом махнул рукой:

– Шесть пар на общем фоне расходов никто не заметит.

– А он знает, что летит со мной?

Данил выбрался из своего кресла и потянулся: – Сейчас узнает...

3

Ранним утром в Пекинском аэропорту было пусто. Московский рейс быстро рассосался, а таможеню там на моей памяти никто особо строго не проходил. Так что мы получили свои чемоданы и теперь брели в поисках Алки. Нам помахала из открытого кафе какая-то женщина в сером, и я с трудом узнала подругу, вернее то, что от нее осталось.

– Привет, Ты не Алка. Ты половина Алки.

Темные круги под глазами выдавали бессонную ночь, а может быть и не одну. Она показала мне рукой на место рядом с собой.

– Садись, Зато ты тянешь на полторы моих подруги.

Я вздохнула и уткнулась в меню на китайском.

– Это сельское хозяйство и свежая сметана с медом виноваты.

Алексий нетерпеливо стоял рядом, дожидаясь приглашения присесть:

– Дамы, если вы уже закончили оценочное взвешивание, то позвольте представиться. Меня зовут Алексей. Ударение на второй слог.

Алка в недоумении подняла на него глаза, потом перевела взгляд на меня.

– Алексей, говоришь? Ты зачем его с собой притащила? Тебя привлекают его рубашка цвета цикламена и зеленые

туфли?

Алексий надулся и теперь молча стоял, стараясь всем своим видом показать нам свое неодобрение, Я была бесцеремонна, хотя парень был вовсе не виноват в том, что Данил решил отправить его с нами.

– Если хочешь, можем забыть его в Пекине вместе с его огромным чемоданом.

Алексий язвительно вмешался:

– Тогда вам не придется утруждать себя путешествием. Чтобы лететь в Лхасу, нужно разрешение с пятью красными печатями. Министерство безопасности, религии и политики, культуры и обмена...

Алка не дала ему договорить:

– Ты хочешь сказать, что они тебя туда пустят как только увидят? У тебя что попроще есть, или нам придется перенести тебя прямо здесь, в аэропорту?

– Как это перенести?!

Алка огляделась вокруг и показала в сторону одного из китайцев:

– Можем купить у него одежду. Или поменять на твою. Думаю, он не откажется. Будет потом всей деревне показывать еще много лет.

В глазах Алексия метнулась паника. Алка махнула рукой.

– Садись. Придумаем что-нибудь.

Потом переключилась на меня:

– Где ты взяла это сокровище?

Я рассмеялась:

– У мужа одолжила. Это наш секретарь на время поездки.

Алка все еще не понимала, что происходит. Я попыталась успокоить подругу.

– Данил не хотел меня отпускать, особенно с тобой и без присмотра. Говорит, что даже каждая из нас по отдельности притягивает цунами, а если нас объединить, то не миновать вселенских катастроф. Вот и отправил с нами нейтрализатор.

– В виде этого молодого попугая?

Мне было искренне жаль парня, но Алка была неумолима.

– Я никуда с ним не полечу.

Я согласилась.

– Не полетишь. Благодаря моему мужу без этого попугая ты вообще никуда не полетишь.

Алка совсем пала духом.

– У меня и так все рушится, а тут еще это чудо.

– Может, это к лучшему? Нам сейчас нужны чудеса. У нас рейс на Лхасу через три часа. Так что решайся.

Алка поджала губы.

– Хорошо. Берем попугая и на посадку...

Таких досмотров, как перед рейсом на Лхасу, я никогда прежде не проходила. Отряд проктологов-дактилоскопистов в китайской униформе проводил досмотр всех отъезжающих в Тибет с особой тщательностью. И если у них была хоть малейшая возможность не пускать кого бы то ни было в Лхасу, они это делали с удовольствием. Каждый, кто прошел досмотр и предоставил все необходимые для вылета документы, вызывал у них огромное неудовольствие. Они никак не могли найти инструкции, что людей в такой одежде, как у Алексия, пускать нельзя. Его странный вид выводил их из себя, но что с этим делать, они не знали.

– Вставай сюда. Давай бумаги. Давай паспорт.

Алексий при своих ста восьмидесяти сантиметрах роста и так был выше китайца в униформе, а когда тот приказал ему встать на постамент для проверки карманов и нательного белья, создал неудобства властям. Китаец недовольно запрокидывал голову, чтобы видеть выражение лица Алексия, но парень был невозмутим. К нам власти не проявили такого интереса, но проверили со всей тщательностью. Изрядно потрепанные, осмотренные во всех местах, мы вышли-таки из зоны досмотра и направились в указанный сектор. Посадку еще не объявляли, так что можно было немного перекусить и осмотреться.

По залу бродили несколько монахов в бордовых одеяниях, обритые наголо и с обнаженными руками. Среди них шел высокий худощавый мужчина, лет пятидесяти. Чуть отстав от своих собратьев, он повернулся в мою сторону и пристально на меня посмотрел. Потом что-то быстро проговорил своим сопровождающим и показал на меня рукой, Я не знала, как реагировать на это, поэтому улыбнулась и сказала «здравствуйте» по-русски. «Черный буддисту как я его мысленно окрестила, чуть кивнул мне в ответ и поспешил прочь в окружении своей стаи. Алка удивилась:

– У тебя что, есть знакомые в Лхасе?

– В Лхасе у меня нет знакомых.

– Так здороваются только с теми, кого хорошо знают, И за что-то недолюбливают.

Я пожалала плечами.

– Может, он и знает меня хорошо, но я его вижу в первый раз.

Алексий, до этого молчавший, позволил себе изречь:

– Может, ему нравятся полноватые блондинки?

Мы уставились на глупого мальчика:

– Блондинки?! Монаху?!

Алексий вздохнул.

– Придется быть вашим путеводителем по Тибету, дамы. В тибетских монастырях можно приходить и уходить когда вам вздумается. Надо только известить начальство, кто ты сейчас – действующий монах или на время становишься про-

стым горожанином. Ну, или крестьянином, как повезло родиться.

Алка на всякий случай пристально осмотрела группу монахов.

– Эти не похожи на простых. Склоняюсь к тому, что они при исполнении служебных обязанностей.

В самолете стюардесса по-китайски что-то бодро объявляла, и пассажиры одобрительно кивали. Я толкнула нашего полиглота:

– Что говорит?

– Через пару часов посадка в Чунцине. Это город дождей. Его даже японцы не смогли бомбить из-за постоянного тумана.

Алка одобрительно посмотрела на парня, потом на меня:

– Понимает по-китайски?

Алексий почувствовал себя звездой.

– Еще по-тибетски немного. Еще знаю хинди и...

Алка прервала его:

– Надеюсь, хинди не понадобится.

Мой внутренний голос зловеще прошептал, что зря она надеется, но я постаралась его унять...

Маленький аэропорт Чунцина оказался на редкость уютным. Все предметы первой дамской необходимости были под рукой, и мы с Алексием засели в кафе. Подруга осваивала аэропортовые бутики в любом состоянии. Даже когда объявили посадку, она не могла оторваться от маленькой сумочки. Она что-то прикидывала в уме, вздыхала и прикладывала сумочку то к зеркалу, то к себе:

– Ну, сменю юбку. Каблук повыше. Тогда... Очень даже ничего...

Меня порадовала ее жажда жизни. Поиски пропавшего друга не убили в ней женщину. Мы с Алексием, увидев призывные жесты стюардессы, попытались оторвать Алку от запчастей для женщин. Хорошо еще, что там не было шляп и шарфиков. Тогда бы мы улетели следующим рейсом. После очередной неудачной попытки и Алкиного обещания сейчас же закончить я вскипела:

– Послушай, подруга, вот этому мальчику в Лхасу без надобности! Мне тоже. Можешь еще час выбирать свои сумочки, мы подождем обратного рейса и все вместе полетим домой!

Алка вышла из транса и взглянула на табло. Резкий крик пронзил тишину зала ожидания:

– Посадка закончилась?!

Я быстро тащила ее к стойке:

– Успеем!

Алексий летел за нами, едва касаясь пола. Запыхавшись, мы все трое ввалились в самолет и упали на свои места. Стюардессы, стараясь не смотреть на нас неодобрительно, быстро закрывали двери и освобождали проходы от сумок. Самолет медленно вырулил на взлетную и стал набирать скорость. Мы не спали ночь, поэтому все трое быстро задремали и проснулись только от жесткой качки, какая бывает в горах при встречном фронте. Зевнув, Алка прилипла к иллюминатору.

– Горы.

Алексий пожал плечами, а я усмехнулась:

– А ты что ожидала там увидеть?

– Да я вообще не ожидала ничего увидеть, думала там облака как всегда.

– Значит, садимся.

Не успела я поставить диагноз, как стюардессы забегали вдоль прохода. Самолет, разрезая две горы напополам, быстро шел на снижение. Мы все трое старательно всматривались, но ничего похожего даже на военный аэродром не было. Алексий занервничал:

– Куда же мы собираемся сесть?

Алка махнула рукой:

– Стюардессы спокойны, значит куда-нибудь сядем.

Не успела она сказать, как из-за гор показалась узкая по-

садовая полоска.

– Как на палубу авианосца. Без права на ошибку. Тут что, все летчики военные?

Алексий вздохнул:

– Хорошо, когда военные летчики на мирных самолетах. Качество посадки лучше.

Летчики тут же продемонстрировали свое неземное умение, и мы ступили на священную землю Тибета...

6

Оставив нас получать багаж, Алексей побежал узнавать насчет такси. Алка с проклятьем стаскивала с транспортера огромный чемодан Алексея:

– Ну скажи, пожалуйста, зачем такому тощему мальчику такой чемодан?

– Учитывая средний вес на одного пассажира, он взял правильный чемодан. А вот мне нужно чемодан поменьше, чтобы уложиться в нормы.

Алка впервые за все время посмотрела на меня внимательно.

– Ты не толстая, Еще нет, но скоро.

– Спасибо. А можно узнать, как скоро?

– Еще пару лет. И две пары кило.

Я вздохнула. Меня губит любовь к свежим кексам. Особенно с изюмом. В Лхасе наверняка ничего такого не будет, так что это идеальный город для того, чтобы сбросить лишний вес. Алка словно прочитала мои мысли:

– Это если ты не любишь свежий хлеб. Здесь лепешки вполне приличные. И мясо яка.

– Какое мясо?

– Яка. Животное такое, вроде коровы, только сильно шерстяное.

– Нет, яка я не люблю. А ты откуда про яка знаешь? Ты

же здесь не бывала.

Алка посмотрела на свой телефон.

– Ян писал.

Я не стала расспрашивать о Яне, решила сделать это в отеле.

Алка выкатила тележку с чемоданами и остановилась:

– Ваш секретарь любитель антиквариата?

Я посмотрела на такси, которое раздобыл

Алексий:

– Что тебе помешало взять нормальную машину?

Алексий обиделся.

– Скажите спасибо, что хоть такую удалось найти. У этого человека свояк не прилетел, задержался в Пекине. А так бы мы никого не нашли. Пришлось бы договариваться, чтобы кто-нибудь из водителей вернулся за нами в аэропорт.

Мы выкатили чемоданы и постарались вместить все это в картонную машину. Водитель качал головой и старался держаться в стороне. Наконец все удалось, и мы устроились хоть без комфорта, но с надеждой добраться до отеля.

Пока мы грузили багаж, я увидела того самого странного человека в черном, который так странно смотрел на меня в аэропорту. В сопровождении двух монахов и водителя, которые не уставали ему кланяться, он важно усаживался в но-

вый белый джип. Наш водитель при виде него тоже застыл в почтительном поклоне. Багажа у важного господина не было, так что его огромная машина быстро выехала со стоянки и скрылась из виду. Мы стартовали гораздо позже и, конечно, не так быстро. Меня одолевало любопытство:

– Алексей, спроси у водителя, кто этот господин.

Алексий ушел в непродолжительный дискус с водителем, а когда вернулся на родной язык, торжественно сообщил:

– Это очень важный господин. Кто-то из верхушки Поталы. Водитель говорит, что этот господин всегда участвует в выборе самого далай-ламы.

– Я не думала, что эта должность выборная.

– Он из тех, кто ищет ребенка и проводит испытания. Он может видеть прошлые жизни человека. Если они у него были, конечно.

Задремавшая было Алка встрепенулась:

– Это когда из разных вещей мальчики выбирают, что принадлежало прежнему Далай-Ламе?

Алексий с нескрываемым превосходством произнес:

– Да, только мальчики.

Алка сделала попытку стукнуть его газетой, которую нашла на сиденье, но помешал один из чемоданов, которые пришлось взять с собой в салон, если так можно назвать вместительность этой машины. Алексей увернулся и скорчил Алке рожицу. Пока эти двое развлекались, меня занимала мысль:

– Почему он так странно на меня отреагировал? Мы нико-

гда не встречались, я это точно знаю. Я бы его запомнила...

В большом холле гостиницы было тихо. Молоденькие девушки-продавщицы за стеклянными дверьми сувенирных лавок тихонько щебетали меж собой, склонив головки и что-то разглядывая в телефоне. Мы отправили Алексея за кислородом, а сами побрели в номер, который оказался довольно приличным. Все гостиничные номера кажутся мне «довольно приличными», если есть чистая постель и величина комнаты позволяет двоим свободно ходить. Отель хоть и был «четверкой», но в ванной комнате не оказалось бутилированной воды, и Алка наотрез отказалась пить.

Не успел Алексей заглянуть к нам с визитом вежливости, как Алка тотчас заставила его звонить консьержу.

– Скажи, что у нас в номере нет воды.

Алексий что-то сказал на странноватом хрипящем языке и повернулся к Алке:

– Они сейчас пришлют сантехника, а пока предлагают сменить номер.

Алка удивилась:

– Зачем? Другого способа получить воду в бутылке у нас нет?

Алексий смутился:

– Вы же сказали, что у вас в номере воды нет.

Алка подтвердила:

– Ни единой бутылки. Даже в мини-баре.

Алексий снова затеял разговор с консьержем, слушал, что отвечала трубка, вздыхал, и так минут десять,

Алка теряла терпение.

– Я хочу чай. Горячий. Немедленно.

Алексий пожал плечами.

– Ну и пейте, на здоровье. Набирайте воду из-под крана и пейте.

Подруга уставилась на него:

– Малыш, ты хочешь, чтобы я в этой гостинице в горной глуши пила сырую водичку? А кто меня лечить здесь будет?

Молодой человек был невозмутим.

– Водичка здесь, к вашему сведению, берется прямым ходом с ледников-пятитысячников. Чище вам не предложат даже при самой тщательной обработке. Вода в бутылках, которую частично завозят из Китая, грязнее, чем из-под крана. Так что пейте без опасений.

Алка молча смотрела, как Алексий выходит из комнаты, оставив на нашем чайном столике пару баллонов с кислородом, потом повернулась ко мне:

– Мне кажется, или я испытываю культурный шок?

– Зато оценишь нетронутость места.

– Нетронутость? Дикость какая-то! Нет воды в бутылках...

Не успела она высказаться, как снова постучал Алексий. Он молча вошел и поставил рядом с кислородом пару буты-

лок воды.

Спать хотелось смертельно, но чувство было такое, будто я прошла не одну сотню ступенек и теперь никак не могла отдышаться. Алка рядом ворочалась на своей кровати, потом вскочила и с головой засунулась в свою сумочку. Из сумочки слышалось что-то нечленораздельное:

– Я же точно сюда их складывала. Я не могла их забыть.

– Это ты о чем?

Алка вытащила голову из дамской сумочки и торжественно протянула мне белую упаковку:

– Самые лучшие.

– Для чего, вернее от чего?

– От горной болезни.

Я наотрез отказалась от незнакомых таблеток.

– Не поможет. Я лучше позвоню Алексею.

Алексий появился тоже бледный как смерть, но уже в темно-коричневых замшевых туфлях.

– Это у вас гипоксия начинается. Я вызываю врача.

Мы с Алкой пытались протестовать, но он был неумолим.

– Простите, дамы, но у меня четкие указания на ваш счет.

Врач необходим.

Мы переглянулись:

– Самое время познакомиться с тибетской медициной...

Через полчаса мы обе лежали под капельницами, ассистентка молодого доктора засовывала нам в рот какие-то

микроскопические шарики с запахом нафталина.

– Это для сердца. Чтобы лучше справилось с высотой.

Алке ровно не лежалось. Она то и дело поворачивалась ко мне и восклицала:

– Ты видела?!

Я не понимала, чем это она так восторгается.

– Ты видела? Он нагрел раствор до температуры тела, прежде чем засовывать в нас иглы!

– И что?

– А ты где-нибудь у нас в больнице видела, чтобы доктора нагревали растворы, прежде чем вколоть пациенту? Нашим наплевать на всасывание и усвоение! Этот доктор просто умничка...

К ее неудовольствию, я была безразлична к физрастворам, способам их приготовления и всасывания. Когда Алексий выдал доктору гонорар и медперсонал удалился, Алка решительно поднялась с постели.

– Сейчас около полудня, и мы не ели, по моим подсчетам, часов четырнадцать.

Алексий вышел, чтобы дать нам одеться.

– Буду ждать вас внизу. Пока переодеваетесь, решите – поедем ли мы в город, чтобы немного подкрепиться, или пообедаем прямо здесь, в отеле.

Спустившись, мы застали Алексия с картой города, в которую тыкали карандашами двое служащих, пытаясь объяснить, куда нам двигаться. Алка сразу влилась в небольшой

коллектив:

– Ну что, куда едем?

– В ресторанчик, называется что-то вроде «Мясо яка».

– Не слишком аппетитное название. Может, это по-тибетски звучит более привлекательно.

Ресторанчик оказался небольшим уютным заведением цвета темного дерева. Алексей с видом знатока почитал меню и растерянно посмотрел на официанта. Алке не терпелось приступить к еде:

– Ты попроси для начала хотя бы лепешек, с мясом мы потом разберемся.

Нам тотчас принесли корзинку хрустящих дымящихся лепешек, за которые Алка жадно принялась. Лепешки исчезали у нее во рту с такой скоростью, что мы с Алексием бросили меню и поспешили хоть что-нибудь успеть проглотить. Утолив первый голод, Алка довольно спросила:

– А что нам официант предлагает?

– Голову яка.

– Ты ему скажи, что никакие выступающие части тела животного мы не едим. И внутренности тоже. У нас религия такая.

Алексий нахмурился.

– Я бы не стал в Тибете шутить по поводу религии.

Алка примирительно кивнула:

– Хорошо. Просто скажи, чтобы принес еще лепешек и

пару-другую стейков.

Алексий переговорил с официантом, который то и дело понимающе кивал. Меня разбирало любопытство:

– О чем это вы?

– Он извиняется, совсем забыл сказать, что про нас спрашивал вон тот господин в конце зала.

Хотя это заведение трудно было назвать залом, но все же в темном углу комнаты я увидела старого монаха в обычной бордовой одежде, открывающей плечо.

Мясо яка мало чем отличалось от говядины, и мы быстро справились с обедом. От чая с маслом и солью я отказалась, заменив его на привычный кофе. Наверное, я еще не прониклась местным колоритом. Знакомый запах вселял в меня чувство комфорта и позволял немного расслабиться. За большими переездами я почти забыла о цели нашего путешествия. Алка, казалось, была озабочена тем же.

– Последний раз он звонил из Лхасы.

Алексий посмотрел на нее внимательно, но не найдя слишком сильных признаков беспокойства на ее лице, вежливо попросил:

– У вас есть его фотография? Не могли бы вы дать мне ее?

– Зачем?

– Если я участвую в этой экспедиции, то могу быть полезен. И в поисках тоже.

Алка, как обычно, нырнула с головой в свою сумочку и достала телефон, вернее, фон, и протянула его Алексию.

– Вот фото,

Алексий, даже не взглянув на изображение, встал из-за стола и направился к официанту. Официант с удовольствием разглядывал телефон, потом фотографию, потом разразился потоком непонятных нам слов. Алексий вернулся не скоро. Он хмурил брови и старался не смотреть Алке в глаза.

– Он был здесь неделю назад.

Мы с Алкой придвинулись поближе.

– И что?

– Ну, он мог что-то перепутать. Может, это не тот человек.

Алка строго посмотрела на него и приказала:

– Давай сюда этого официанта.

Алексий нехотя поднялся и привел официанта. Алка положила на стол пятьдесят долларов и жестко сказала, глядя официанту в глаза:

– Рассказывай!

Потом повернулась к Алексию и приказала:

– Переводи каждое слово!

Официант не понимал, зачем такие сложности, но, прикинув в уме, на что он потратит такие большие деньги, расплылся в улыбке и начал:

– Он был здесь в прошлую среду.

Алка задавала вопрос за вопросом:

– Один? Во что он был одет? Приехал на такси или пришел пешком?

Официант наморщил лоб.

– Я не знаю, мадам, на чем он приехал. Он был в куртке цвета хаки и в серых вельветовых джинсах. Я не помню его обуви, мне не всегда ее видно под столом. Кажется, черные кроссовки или что-то в этом роде.

Я спохватилась и надела туфли, которые тайком сняла под столом, чтобы ноги отдохнули.

Алка повторила вопрос:

– Он был один?

Официант слегка смутился такому натиску.

– Нет, он был с девушкой.

Алка побледнела. Мне даже пришлось легонько пнуть ее под столом, чтобы она пришла в чувства.

– С девушкой? Какой девушкой?

– Очень молодой. Они были как два голубка, наверное молодожены. Простите, вы его мама?

Плакать подруга не умела, так что молчание было ее естественной реакцией на неожиданный поворот событий. Она скрипнула зубами и повернулась к Алексею:

– Отдай ему деньги и поблагодари.

Когда официант ушел, Алка с трудом произнесла:

– Алексей, берите билеты. Мы возвращаемся домой.

Я запротестовала:

– Мы притащились в такую даль, только что вышли свеженькими из-под капельниц, а ты собираешься завтра снова в путь? Может, хоть достопримечательности осмотрим и поставим себе зачет по Лхасе?

Алка, казалось, совсем не слышала меня:

– Я тут спасательную экспедицию готовлю, а он просто нашел себе молоденькую и забыл позвонить, что я теперь могу спокойно заниматься своими делами...

Пока подруга пребывала в депрессиях, а я в размышлениях, куда завтра направиться – в Джогханг или в Поталу, к нам подошел монах, который притаился в углу и разглядывал нашу компанию безо всякого стеснения. Алексей из интеллигентской вежливости предложил ему присоединиться к нам, но монах отказался.

– Я не могу сидеть с вами за одним столом.

Алка, пребывая не в самом хорошем настроении, хмуро спросила:

– Мы недостаточно религиозны для него? Почему он опасается белых дьяволов?

Алексий, к счастью, не стал переводить ее дословно, он просто спросил неожиданного гостя:

– Почему?

Монах сочувственно улыбнулся:

– Возле вас стоит смерть. И Он уже знает об этом. Он прислал меня сказать, что ждет вас. Вечером за вами придут...

Алка от таких слов забыла о своих переживаниях и повернулась ко мне:

– Ну вот, я же говорю, что надо ехать домой!

Монах, к нашему удивлению, понял все, что она сказала. Он покачал головой и медленно, растягивая

слова, сказал:

– Вам нельзя домой. Смерть уже рядом. К тому же, вам непременно нужно встретиться с Хозяином.

Монах медленно повернулся и неторопливо пошел к двери.

Первым пришел в себя Алексей.

– Интересно, откуда этот господин. Живее, дамы, мы уходим.

Мы не ожидали такой прыти от рафинированного мальчика и выбежали на улицу, чтобы пестрой шумной толпой незаметно преследовать странного монаха.

На улицах Лхасы было солнечно и ветрено. Вся наша компания, стараясь держаться в тени домов, шла за монахом, который неторопливо брел через толпы богомольцев по направлению к Джогхангу. Перешагивая через людей, лежавших в молитвенном сне, он подошел к воротам храма, что-то показал служащему у низкой обитой железом двери и скрылся. Алка пришла в религиозный восторг от необычайного зрелища. Сотни людей лежали кто на подстилках, кто просто на земле перед храмом, лицом вниз, согнув руки в молитве.

– Давай дадим немного денег кому-нибудь, пусть подкрепятся, а мы пока за них полежим! Может и на нас сойдет озарение.

Она сделала решительный шаг по направлению к женщине, распростертой на грязном полосатом коврикe, но я успела схватить ее за руку.

– Если ты здесь ляжешь, со мной в одном номере жить не будешь.

– Это еще почему? Ты против Буддизма?

– Я не против Буддизма. Я против инфекционных заболеваний, которые ты притащишь. К тому же ты слишком белая для этого коврика.

Алка с утра сделала непростительную для богомольца ошибку – надела светлый кремовый костюмчик от Диора, за-

явив, что у нее таких много и ей их совсем не жалко. Но я думаю, что она втайне надеялась на встречу со своей любовью, хоть и бывшей.

Алексий оставил нас в дискуссии на религиозные темы и огляделся в поисках билетной кассы:

– Нужны входные билеты.

Пока мы обилечивались, нашего монаха и след простыл. И где теперь его искать в низких храмовых переходах, мы не имели понятия. Алка снизошла до Алексия:

– Что нам скажет знаток достопримечательностей?

Алексий сообщал, но медленно.

– Никаких особых примет мы не знаем, одет он как тысячи монахов вокруг, так что надо разделиться и искать во всех направлениях, может, кому из нас повезет.

– И что будем делать, когда нам повезет?

Это был тупиковый вопрос. Что делать с монахом, если мы его найдем, – непонятно, потому что поговорить с ним мог только Алексий, так что разделяться смысла не было. Осознав себя единым целым, мы двинулись через внутренний дворик, мимо большого чана с водой, которую запасали на случай пожара – большинство построек храма были деревянными. Бесцельно побродив вдоль галереи в надежде на то, что монах сам на нас выйдет, мы незаметно оказались у входа в главный храм. Молодой служака, увидев нашу странную компанию, дружественно кивнул, приглашая пройти внутрь. Отказываться было неловко, и мы вошли в

большой темный зал. Было прохладно, и сильно пахло теплым коровьим маслом. Здесь свет питался не от растений, а от животных. Десятки масляных плашек с зажженными фитилями горели у неглубоких гротов, завешенных железными кольчугами. Статуи стояли в шкафах за стеклянными дверцами, и их было такое множество, что невозможно было понять статус божества. Алексей показал на пол:

– Это мраморная крошка со смолой. Утрамбовывается вручную. Принимает любые формы. Крыши тоже сделаны из нее.

Алка фыркнула:

– Слушай, кот ученый, скажи, где монаха искать.

– Думаю, у главной статуи, что была привезена китайской принцессой Вэйчен...

Я не дала ему договорить, потому что невдалеке, у какой-то женской статуи в богатых одеждах стоял тот, кого мы искали. Он устало посмотрел на нас и уже собирался двинуться к выходу, как Алексей остановил его:

– Скажите, господин, почему вы сказали, что смерть стоит рядом с нами? И что делать, чтобы она не стояла?

Монах улыбнулся и проговорил:

– Я не припомню, чтобы говорил с вами раньше. Что же вас так расстроило? Смерть всегда где-то рядом...

Не ожидавшие такого поворота, мы не знали, что делать. Первой пришла в себя Алка и пробормотала свое заклинание:

– Нам нужно ехать домой.

Посмотрев на меня, она вздохнула:

– Ладно, побродим пару дней по Лхасе, потом домой.

Джогханг всей своей обстановкой способствовал упадку нашего духа. Мы неторопливо перемещались от одной статуи к другой, читая надписи и осторожно обходя истинно верующих, склонившихся перед особо чтимыми святыми. Двигаясь все время по Солнцу, мы вышли к центральной статуе, облепленной служителями и теми, кто пришел ей поклониться. Люди с трепетом прикасались губами к железному занавесу, ртом ловя золотой свет, исходящий от довольно большой статуи. Десятки лампад, отражаясь от Золотого Будды, играли в их безумных глазах. И вдруг в этой религиозной толпе я встретила взгляд, резко диссонирующий с общим экстазом. Это был холодный, режущий взгляд, пронизывающий и отталкивающий. Я поспешно отошла от странного господина, одетого в старомодный костюм. Однако господин переместился в мою сторону, и, чтобы не терпеть его общество, я попыталась пробиться к своим. Алексей и Алка слились с толпой религиозных фанатиков и теперь мало

чем от них отличались. Глаза их горели странным блеском, руки чуть дрожали от восторга, а губы что-то постоянно повторяли. Я укоряла себя за полное отсутствие трепета и даже терпения и с большим трудом вытащила обоих из толпы истинных богомольцев. Алка шла вдоль темного вечернего коридора Джогханга, отмахиваясь от своих мыслей, как от надоедавших летом мух.

– Что это было?

Алексий, который молча шел за нами, вдруг схватил меня за рукав:

– Вот он! Я много читал о нем, но видеть самому не приходилось!

Я посмотрела, куда он показывал, но ничего особенного не увидела. Там в углу стоял большой каменный стакан.

– И что?

– Это Колодец Душ.

– Каких душ?

– Человеческих. На месте этого храма раньше было озеро. Непальская принцесса приказала засыпать его зачем-то... Землю возили тысячи белых коз.

– Какое отношение коза имеет к Душе?

Алексий не унимался:

– Если приложить ухо к этому колодцу, то можно и сейчас услышать, как плещутся волны запретного озера, на дно которого она бросила что-то невероятно ценное.

Алка никогда не сдерживала свое любопытство:

– Что бросила?

– А я почему знаю? Многие пытались найти... Неожиданно для себя я сказала:

– Я знаю! Я знаю, что на дне этого озера.

Добравшись до гостиницы, мы с удовольствием растянулись на больших жестких кроватях в ожидании спасительного сна. Но вместо сна к нам снова пришел Алексей. Сняв свои зеленые туфли, он без приглашения растянулся на небольшой кушетке возле окна. Алка сделала дохлую попытку прогнать наглеца.

– Если сейчас не пойдешь к себе, сдадим твой номер, будешь спать здесь на коврике.

Я запротестовала:

– У него слишком много одежды. Нам места не останется. Пусть живет у себя. Да, кстати, а почему ты решил обосноваться у нас?

– Звонил шеф, сказал, чтобы я был где-нибудь рядом с вами, дамы. Наверное, хочет убедиться, что вы еще живы.

Алка приподнялась на кровати:

– А ты рассказываешь ему об этом как-то неубедительно?

– У него есть вопросы. Не ко мне.

Через пару минут телефон зазвонил. Мы позитивно приготовились к общению с домом, но странный голос в трубке на едва узнаваемом русском проговорил:

– Господин Хаддар велел передать, что следует поторопиться, вас ждут. И еще он сказал, что такие разговоры нужно завершать до захода солнца.

– Извините, мы не знаем такого господина. Вряд ли он именно нас хочет видеть до захода солнца.

Странный человек, с трудом читая наши фамилии, настаивал на аудиенции.

– Господин Хаддар не может уделить вам много времени.

– Мы и не настаиваем. Он может распоряжаться своим временем совершенно свободно.

В трубке неодобрительно засопели.

– Я не могу с вами это обсуждать. Я должен встретить вас в холле гостиницы без четверти четыре.

Телефон смолк, а в нашей комнате поднялась суматоха. Алка вскочила в своем неглиже с кровати и бросилась к шкафу. Я с сомнением смотрела на подругу, как она старательно натягивала темный костюмчик и туфли на неизменно высоком каблуке.

– Не слишком изысканно для монахов?

– Я вообще-то религиозную тематику в виду не имела, когда собиралась сюда к молодому любовнику. Этот хотя бы не так пачкается. А ты в чем поедешь на свидание к таинственному господину Хаддару?

Неожиданно для себя я проговорила:

– Какая тут тайна? Хаддар – неофициальный глава секты Ньигма. А так вообще-то он из Бон.

Алка соображала быстро.

– Это его мы видели в аэропорту?

Я кивнула.

– Я к нему не поеду. У меня дела в Дрепунге.

Алексий посмотрел на меня так, словно видел впервые.

– Теперь я понимаю, почему ваш муж отправил меня с вами.

Алка усмехнулась:

– Значит, к господину Хаддару я еду одна?

Я кивнула на Алексия.

– Без переводчика, он мне самой нужен. Там, у Хаддара, говорят по-русски.

До встречи оставалось полчаса, так что, одевшись потеплее, мы решили выйти на променад. Во французской булочной на углу с удовольствием скупили все, что показалось нам привлекательным, и теперь брели обратно к гостинице, поглощая сладкие булки. Даже Алексий, далекий от простых радостей жизни, на этот раз не отставал. Облизав с пальцев крем, я сказала:

– Хаддар сделает тебе невыгодное предложение.

Алка с Алексием переглянулись.

– Откуда знаешь?

– Зачем тогда забирать нас из гостиницы? Только с целью предложить что-нибудь неприличное.

Алексий призадумался.

– Может и так.

Я как ни в чем не бывало продолжала расправляться с бисквитом,

– Он предложит похоронить твоего приятеля в обмен на

Зеркало.

Алка остановилась как вкопанная.

– Почему ты считаешь, что обмен не выгодный? И откуда ты все знаешь?

Я пожала плечами.

– Не все я знаю. Но я бы не стала менять Настоящее Зеркало на ненастоящего мужика.

Подруга вздохнула и пробормотала.

– Сдается мне, что моя косметичка здесь ни при чем.

Я остановилась и взяла Алку за руку.

– Так ты хочешь найти его или нет?

Она кивнула.

– Да, я хочу найти этого мерзавца. Только не понимаю, при чем тут Зеркало.

– Это просто. Господин Хаддар хочет, чтобы я достала ему Зеркало Черного Колдуна...

Сквозь завывающий за окном ветер было слышно, как Алексей поперхнулся своим пирожным.

Мы решили проводить подругу из любопытства и из практических соображений – запомнить номер машины, на которой ее увезут. Пока я делала вид, что интересуюсь сувенирами, к Алке подошла странная девочка...

Все пропиталось тысячелетним запахом топленого коровьего масла. Не было ни одной вещи, которая бы сохранила свой характер. Все растворилось в этой серовато-прогорклой сыворотке времени. Хаддар любил этот кабинет. Он не изменился нисколько за последние полторы тысячи лет. Только силы уже не те, сколько ему еще продержаться – сотню-другую, а потом? Гниение живо и тлен? Сколько он ждал ту, которая могла бы открыть Колодец? С тех пор как эта гадина Тхицун так обошлась с ним, он искал по всему миру ее душу. Теперь, когда он увидел ее, главное – не напугать, вовлечь в свою игру и заставить сделать то, что нужно. Хаддар подошел к окну, занавешенному тяжелой холщовой материей с вышитыми на ней защитными знаками. Только тем, кто умеет читать эти знаки, было понятно, чей это кабинет. Остальные видели в них только причудливые узоры причудливой страны и называли это «тибетский узел». За окном царило обычное оживление – тысячи туристов и паломников со всей страны медленно поднимались по каменным лестницам священной горы в сердце Поталы. Их поведут мимо ступ со священными останками – надо же чем-то кормить души заточенных в них лам. Ламы не умерли, они спят и в своем голодном сне понемногу питаются теми, кто пришел поглазеть на их великолепные саркофаги. Хаддар редко ходил к ним,

ему не нравилось их надоедливое ворчание. В его силах было дать им возродиться, но он удерживал их в этих золоченных ступах и пользовался ими. Они могли проникать куда угодно – все врата всех миров были перед ними открыты, и он безжалостно отправлял их усталые души по своим поручениям. Это они нашли для него странную душу Тхицун, которая не рождалась вместе с младенцем, а существовала в среднем мире людей, порхая как бабочка, которая перелетает с цветка на цветок, надолго не задерживалась ни в одном человеческом теле. Как только он подбирался к ней, она улетала, и ему приходилось снова и снова тратить огромные силы на то, чтобы увидеть ее. И тут такая удача – эта непослушная душа сама поселилась в ту, которая ехала в Тибет, к самому Хаддару. Нужно только успеть до того, как она покинет это тело, открыть Колодец и достать Зеркало. Это Зеркало, которое невозможно ни разбить ни потерять, предназначалось ему и ждет его уже полторы тысячи лет. Теперь-то он не даст ей уехать из Тибета, она навечно останется здесь, в Колодце человеческих душ.

С высоты своего окна Хаддар увидел, как из машины выходит рыжеволосая, но почему она одна? Где та, которую он ждет с таким терпением? Значит, время еще не пришло. День-два ничего не изменят, а разговор с ее окружением тоже полезен. Люди могут влиять друг на друга, а он может влиять на любого из них. Хаддар бросил щепоть пряностей в огонь, и комната ненадолго сменила свою сущность – вме-

сто затхлости и небытия теперь всюду царил пряный аромат сандала.

– Она откроет Колодец и отдаст ему свою душу, ото неизбежно.

Пока рыжеволосая поднималась по деревянным ступеням внутреннего двора, Хаддар размышлял. Важные люди заинтересованы в том, чтобы ее временный муж не вернулся отсюда живым. Придется монахам поработать, к тому же Гелугпе заплатят большие деньги, чтобы этот иностранец исчез без следов.

– Небесные похороны. Слишком много чести, конечно, но... монастырь всегда нуждается в хорошем подношении.

Маленькая темнокожая старушка с хитрыми живыми глазами только что поставила чайник над отражателем, который в солнечные дни служил ей вместо печи, и пока вода закипала, тупым длинным ножом старательно резала корень имбиря на маленькие кусочки. Сидевший неподалеку мальчик лет десяти молча наблюдал за нею. Старуха вытерла нож о передник и хрипло проговорила:

– Принеси траву что в жестяной банке в шкафу.

Мальчик нехотя поднялся и пробормотал:

– Это ты называешь шкафом?

– Не умничай. Да, я не богата, но даже зажиточные крестьяне, вроде твоих родителей, присылают мне своих детей.

На глазах у мальчишки навернулись слезы. И зачем только Кайчи уехал в город? Теперь вот он за него у этой старухи, у которой куска хлеба-то порой не бывает. Почему ламы выбрали его?

Старуха мельком взглянула на мальчика и рассмеялась:

– Вечно с вами одно и то же! Все вы поначалу скулите как потерявшиеся щенки, а потом вырастаете и лаете на меня как большие злые собаки!

Мальчик огрызнулся:

– Даже псов иногда кормят. Псы чаем не питаются.

Глаза Старухи стали острыми как бритвы. Она поджала

губы и процедила:

– Собаки питаются падалью. Нечего скулить, иди вон к воротам, проси милостыню!

– У кого просить-то? Туристов еще нет, рано. Местные сами перебиваются как могут.

– Тогда жди до завтра. В монастыре большой праздник, будут раздавать лепешки и чай паломникам.

– Так то паломникам! Там знают, что я живу у тебя, так что на лепешки рассчитывать нечего.

Старуха сплюнула в угол.

– Вечно одно и то же! Перестань ныть иними чайник с линзы.

– Такие слова знаешь!

– Что-то ты дерзок сегодня.

– Так это от голода. Покормила бы – сразу добрым стал.

Старуха вздохнула:

– Нет в молодых никакого терпения. Выучишься – придут к тебе люди с деньгами и беды знать не будешь!

– Тогда почему ты, такая ученая, перебиваешься с хлеба на воду?

Старуха вздохнула.

– Не твое дело. Это моя жизнь, и я в ней какая хочу, голодная или сытая – мне решать. Ты тоже можешь сам решить. Хочешь быть сытым – возвращайся к родителям. Хочешь учиться – оставайся, но нытье твое я больше слушать не буду.

Мальчику на мгновение стало страшно от одной мысли, что он вернется домой, ничему не научившись у Старухи. Деревня ждет своего нового лекаря. Старый умер год назад, и теперь в их глухое место никто из молодых даже не заглядывает. Все хотят поближе к городу, потому и послала его мать к Старухе, на обучение. Отдать мальчика в монастырь было бы непозволительной роскошью – слишком много лет учиться и слишком много денег. Если бы он проявил способности, то остался бы при монастыре навсегда, стал бы его собственностью, а это не входило в планы его семьи.

– Нордан, почему ты живешь у монастырской стены, а не в доме, как все?

– Любопытно?

Мальчик кивнул. Старуха пожала плечами.

– Я тогда была молода, ни о чем не думала. Не думала, что придется жить, как крыса в норе. Для молодых стены монастыря слишком тесные. Я много знала, а это не нравилось моим хозяевам. Сама себя обрекла на такую жизнь. Вот и перебиваюсь теперь, как получится. Приходят люди, платят хорошие деньги, чтобы я учила их детей.

– Тогда почему ты такая?

Старуха засмеялась:

– Нищая?

Мальчик промолчал, боясь обидеть Старуху. Она ласково погладила его по темной головке.

– Если бы я хранила деньги здесь или где в другом месте

– меня бы обокрали или убили. Я отдаю все деньги своим богам – и до сих пор жива. Вот и приходится перебиваться.

– А когда мы начнем учиться? Я здесь с зимы, а ты не рассказываешь мне ничего.

Старуха открыла грязный термос, сполоснула его кипятком и бросила туда щепоть имбиря. Потом травы, что принес мальчик, затем отломала от плитки немного темного чая и тоже бросила в термос. Не успела Старуха закончить с заваркой, как кто-то крикнул:

– Откройте, хозяйка.

У тощих, едва прикрывающих вход ворот стояла женщина в ярком платке и красивом переднике, Она помахала рукой хозяйке:

– Откройте, я вам сливок принесла. Свежих.

Старуха подмигнула мальчику:

– Сегодня не придется пить пустой чай. Я лечила ребенка этой женщины. Теперь вот она сливок нам принесла.

Старуха бережно взяла небольшую стеклянную банку и улыбнулась женщине:

– Здоров?

Женщина поцеловала зеленый камень, который висел на засаленной веревке из жилок яка у нее на шее.

– Благодарю вас.

Женщина поспешно ушла, а Старуха с мальчиком долго молча грелись на весеннем солнышке, потягивая ароматный имбирный чай с густыми сладкими сливками...

На этом подарки судьбы не закончились. Не успело солнце скрыться за вершиной горы, как в дверь снова постучали. Старуха разворчалась:

– Кого это несет к нам в такой час? Добрые люди уж спать ложатся.

Мужчина в поношенной одежде, видно, пришел из далека, улыбнулся, обнажив ряд белоснежных зубов:

– Открывай, хозяйка. Я тебе мясо принес.

Старуха не на шутку всполошилась:

– Какое еще мясо?

– Хорошее. Его лама Дорджен передал, знаешь такого?

– Что-то раньше он не баловал меня своими подарками. С чего это он вдруг решил отдать мне то, что и сам мог съесть с большой охотой?

– Это ты его спроси. Мне велено передать.

Старуха помялась немного, не решаясь принять дар от незнакомого человека, но вид голодного мальчишки придал ей смелости, и она махнула рукой:

– Давай сюда твое мясо.

Старуха достала небольшой медный таз, которым уже давно никто не пользовался, и положила в него ценный дар. Она с наслаждением вдыхала аромат еще теплого, хорошо сваренного мягкого мяса. Наверное, ото был молодой як, таки-

ми нежными были куски, распадавшиеся под тупым ножом. Старуха достала пару чашек и разделила поровну содержимое таза. Мальчик набросился на еду, как голодный волчонок, сглатывая почти не жуя. Старуха напротив, медленно и с наслаждением отправляла в рот небольшие кусочки. Внезапно мальчик поперхнулся и схватился за живот.

– Больно!

Старуха перестала жевать и быстро сплюнула остатки обратно в миску. Теперь уже и она сама чувствовала неладное. Ее слегка мутило, и резь в животе усиливалась. Выругавшись, она трясущейся рукой пошарила на пыльной полке.

– Куда запропастилась эта чертова шкатулка!

Она всегда держала готовое снадобье на случай непредвиденного, но шкатулки почему-то не было.

Едва сдерживая рвоту, она спросила мальчишку:

– Ты трогал черную шкатулку здесь на полке?

Мальчишка в ответ только простонал. Старуха пришла в неистовство:

– Отвечай, негодяй, что ты сделал с моей черной шкатулкой?!

Едва двигая посиневшими губами, мальчик прошептал:

– Я продал ее туристам.

Старуха замерла.

– Ты продал ее туристам?! Мою траву, которую я собирала, ползая по этим горам весь год? Ты продал туристам?

Мальчишка покачал головой.

– Нет, я вытряхнул ее за домом, она бы все равно им не пригодилась, а шкатулка им понравилась. Они дали двадцатку.

По смятому кожистому лицу Старухи текли слезы бессилия. Она уже не могла двигаться. Оставалось совсем немного времени, чтобы подготовить себя к большому пути, в который все отправляются помимо своего желания.

За остекленевшими глазами еще теплилась жизнь, и мысли еще не покинули старую голову, растворившись в ночи. Теперь она вдруг ясно поняла, почему мясо принесли, когда стемнело. Так она не смогла увидеть синих червоточин трупного яда. И шкатулку мальчишка сам никогда бы не осмелился продать. Значит, кто-то его надоумил. И это могли быть только приспешники мерзавца Хаддара.

Краем угасающего сознания она чувствовала, что кто-то наклоняется над нею и куда-то пытается перетащить. Через какое-то время она почувствовала во рту что-то теплое и, едва не захлебнувшись, судорожно сглатывала живительную влагу...

Мы с Алексием в молчании доехали почти до самого Дрепунга.

– Попроси водителя остановить машину где-нибудь у гостиницы для паломников.

Машина сделала еще пару поворотов и притормозила у неказистого строения. Я сама не понимала, почему я проигнорировала встречу с Хаддаром и поспешила сюда. Мы шли по мощеному камнем пыльному двору, не имея ни малейшего понятия, что нам делать дальше. Двор этой древней гостиницы для приезжих был абсолютно пуст.

По ветхой лестнице мы поднялись на второй этаж, но и там никого не было. Всюду валялись старые тряпки, сломанные доски, грязная битая посуда. Казалось, что люди давно покинули эти места. Только по свежему пеплу костровища у одной из стен во внутреннем дворе можно было понять, что какая-то жизнь здесь все-таки была. Алексей брезгливо озирался вокруг, стараясь ступать как можно осторожнее.

– Мы уже все здесь осмотрели? Теперь можем ехать обратно в гостиницу?

Я молчала. Почему простые слова, что нужно приехать до захода Солнца, привели меня сюда? Солнце уже висело на краешке горы, готовое быстро соскользнуть вниз за гору. До темноты оставалось не больше часа, а я все еще не знала, что

нам делать. Пока я предавалась раздумьям, а Алексей нудно причитал что-то про комфортабельно-чистую гостиницу, я быстро двинулась по направлению к боковой комнате с развалившейся дверью. Эта самая дверь висела на одной петле, грозя в любой момент оторваться, но меня ото совсем не смущало. Я резко дернула за ручку. Оторвались обе – и ручка, и дверь. Я едва успела отскочить в сторону, так чтобы падающие доски меня не задели. Гулкий грохот разнесся по всему внутреннему дворику. Не обращая на это никакого внимания, я решительно двинулась в пустую темную комнату. Алексей прервал свои причитания и пошел за мной. Посреди полуразрушенного захламленного помещения стояла довольно чистая кровать с белоснежным бельем, не застеленная, словно оставленная впопыхах. В углу комнаты мирно дремал мальчишка лет десяти. Страшный грохот оторвавшейся двери не разбудил его. Алексей потряс мальчика за плечо;

– Чья это комната?

Мальчик открыл мутные глаза и, зевнув, сказал:

– Немца, он ушел куда-то утром. Приказал мне караулить, чтобы ничего не стащили.

Алексий критически оглядел сонного охранника.

– Что-то ты не очень здесь охраняешь. Да и нет никого.

– Скоро придут. У них сегодня *кора*.

Алексий пояснил:

– Кора – это ход паломников вокруг монастыря. Обычно

ходят вокруг Джогханга.

– Немец на коре?

Мальчишка засмеялся.

– Нет, он на службы не ходит. Он тут с фотоаппаратом и с девушкой. Страшная такая.

– Она с ним живет?

– Нет, она в хорошей гостинице, дорогой. Сюда он ее не приводит.

– Откуда знаешь, что с ним девушка?

Алексий протянул мальчишке десятку. Мальчишка быстро взял деньги и важно сообщил:

– Их все видели. Они в Дрепунге много раз были, в Потале и в Сэре. Он везде фотографирует. Она смотрит и просто ходит за ним.

– А во сколько он возвращается?

– Когда как. Поздно.

Алексий протянул мальчику еще купюру, и мы вышли на балконный коридор, тянувшийся вдоль всего этажа. Странное чувство вины не давало мне покоя. Словно я что-то важное пропускаю, хожу совсем не там, делаю не то, что должна.

Спустившись вниз, я пошла не по общей тропе, а свернула в сторону, к большой лысой горе. И почему ее называют Священной?

– Надо торопиться. Они оба скоро умрут, если мы не поторопимся.

Алексий, обычно флегматичный, встрепенулся:

– Кто умрет?

Я больше не могла выносить это создание природы и почти бежала по узкой тропинке, спотыкаясь о торчащие из-под земли камни. Сумерки сгущались, и темнота наступала быстро. Вдалеке в воротах монастыря показались две темные фигуры монахов. Снова у меня сжалось сердце. Я достала телефон и набрала Алку. Подруга не отвечала.

Алексий, хоть и бежал рядом, из последних сил сопротивлялся:

– В горы? Ночью?

– Пожалуйста, двигайся молча.

Мы сбавили темп и теперь шли почти на ощупь, пока не оказались у странной хижины, из которой слышались едва различимые стоны. Я нащупала крючок с внутренней стороны низенькой двери и осторожно открыла ее. Через маленький дворик было видно, что в ветхой хижине у стены сидят две фигуры. Достав сотовый и посветив перед собой, я увидела совсем белого мальчика, который сидел, скорчившись, как от боли. Руки его были холодны как лед. Алексий прошипел:

– Это те самые мертвецы, про которых ты говорила?

– Один. А где второй?

– Вторая. Вот, только осторожно, не наступи.

Он показал своим телефоном на Старуху, сидевшую чуть поодаль. Я пыталась сообразить, что нам делать с этой находкой.

– Они не дышат, но почему-то мне кажется, что еще живы, Алексей наклонился к Старухе и пощупал пульс у нее на шее.

– Едва-едва, Может умереть в любой момент. Что с мальчиком?

Я, потеряв и страх, и разум, схватила мальчика, который начал медленно сползать на пол, и приложила руку к его шее.

– Что-то есть.

– Значит, еще живы. Похоже на отравление.

Алексий развел руками:

– Скорую мы не вызовем, они сюда не доедут. Что с ними случилось, мы не знаем, так что можем только положить их ровненько, чтобы умирали себе спокойно.

Ненавидя свое бессилие, мы стояли в тусклом освещении телефона, который Алексей привязал под потолком, и старались вспомнить, что надо делать при отравлениях.

– Надо промыть им желудки.

Мы оба поежились от мысли, какие манипуляции нам предстоит проделать, чтобы вызвать к жизни эти два щуплых тела. Деваться было некуда, и мы начали...

Алексий старался не смотреть на свои ноги, чтобы не видеть, во что превратились его прекрасные замшевые туфли. Когда процесс начал давать результат и наши подопечные зашевелились, я выскочила из хижины и бросилась по тропинке обратно к постоялому двору. Там царило некоторое оживление. Алексей, который едва поспевал за мной, больше не

делал попыток вернуть меня в гостиницу и с решительным видом шел рядом. Во дворе стояла корова, привязанная к чахлому дереву. Трудно было сказать, кто из них был более древний – дерево или корова, но выбирать было не из чего. Я толкнула в бок Алексея:

– Спроси, сколько стоит эта корова!

Алексий, вытаращив глаза, уставился на меня:

– На кой нам этот суповой набор? У нее кости едва шкурой прикрыты!

Я сверкнула глазами и повторила:

– Спроси, сколько стоит...

Алексий с опаской подошел к корове, и тут же из небольшой группы паломников выделился хозяин несчастного животного и, видя интерес странного существа к его корове, начал что-то живо объяснять Алексею. Алексий не проявил должного внимания, и жуликоватый мужчина уж было расстроился, но я решительно вмешалась в разговор:

– Скажи, что мы покупаем это животное, если он доведет его до хижины и там привяжет.

Алексий начал соображать, куда я клоню. Он неторопливо торговался с мужиком, который никак не хотел ни уступать, ни вести куда-то ночью свою корову. Наконец они сговорились. Алексий отсчитал триста долларов – неслыханная сумма за такое животное, а мужик весело повел животинку к хижине. Алексий, глядя на тощий коровий зад, за которым мы медленно шли по тропинке, неожиданно спросил:

– Вы умеете доить корову?

Только сейчас я поняла, что ни он, ни я не имеем ни малейшего понятия, что нам делать с этим животным. Мужик открыл воротца, завел корову во двор и быстро привязал к забору. Животное, привыкшее к путешествиям, совсем не сопротивлялось. Алексей пошарил в нехитром хозяйстве и добыл небольшой котелок, довольно чистый. Он протянул котелок мужику. Тот поначалу наотрез отказался, но, увидев десятидолларовую купюру, сразу согласился нам помочь.

Алексий стоял рядом, не спуская глаз с мужика, который ловко орудовал руками под тощей коровенкой. Ему с трудом удалось надоить с литр густого вонючего молока, но нам этого было на первый раз вполне достаточно...

Алексий, уверовавший в исцеление наших подопечных, запричитал:

– Я уже четыре раза ходил к ручью! Сколько еще воды нам нужно?

– Не ворчи. Осталось только напоить скотинку. Чтобы она хоть что-то дала нам утром.

– Не думал, что вы знаете про коров!

– Про коров я до этого дня знала только, что они дают молоко. Но чтобы получить жидкость от коровы, ее надо жидкостью напоить. Это логика.

– А как насчет накормить?

– Об этом мы подумаем завтра. Может, ее просто надо отпустить, пусть себе пасется.

– Здесь нельзя. Святые места, да и монахи могут украсть и съесть,

– Как они ее съедят, если это буддийские монахи, которым нельзя убивать животных?

– Они их и не убивают. Просто подгоняют к обрыву и сталкивают. Так животное само умирает, а они его по-тихому съедают.

– Ладно, спрячем ее здесь, во дворе.

Когда все вопросы с домашним животным были решены, мы опустились на деревянную скамью и только сейчас почувствовали, что смертельно устали. Странная парочка – старуха и мальчик – лежали в доме на циновке, прямо на полу, и мы с моим гламурным спутником всю ночь поили их и обтирали ветошью.

Утром, совсем обессилившие, мы заснули. Еще ни разу в жизни я так сильно не хотела, чтобы эти чужие, но слабые, открытые всем напастям существа выжили. Может, я не хотела проснуться утром рядом с трупами, а может... Что-то подсказывало мне, что я отдаю долги. Далекие, из прошлой жизни...

Нас разбудил телефонный звонок. Усталый Алкин голос, старательно выговаривая слова, звучал как из-под земли:

– Они похоронили его.

Я с трудом открыла глаза. Солнце еще не поднялось, но было уже довольно светло.

– Ты где?

– Еду домой, в гостиницу. А вы, разве вы не дома?

– Нет, мы еще возле Дрепунга.

– Тогда я к вам. Не хочу быть одна.

Трубка всхлипнула и отбилась...

Миниатюрная фигурка подруги смотрелась нелепо в кочевых условиях тибетской хижины. Как будто в крестьянский дом принесли господскую дорогую куклу. Кукла имела вид отрешенный, но так было даже лучше. Пока Алексей спал в причудливой позе на скамье, мы с Алкой старались говорить тихо.

– Они похоронили его?

Алка кивнула. Говорить она могла с трудом. Не жалея подругу, я утоляла свое любопытство:

– Как тебе Хаддар?

– Странный. Сидит один в темной комнате. В руках зеркало.

– Зеркало? Странно.

– Думаешь, мужчина не может держать в руках зеркало?

Я сказала то, чему удивилась сама:

– Есть только одно зеркало, которое он хотел бы держать в руках. Но оно утоплено на дне озера и засыпано землей.

Алка присвистнула.

– Это ты про него говорила в Джогханге, что знаешь, что непальская принцесса спрятала на дне озера?

– Да, она спрятала его от Хаддара. Не мог он сидеть с Зеркалом в руках.

Подруга помолчала немного, потом, тщательно оглядев-

шись, достала из сумочки сигареты и затянулась.

– Пусть меня простят духи этого места, но я больше не могу без сигареты. Мне показалось, что господин Хаддар ждал вовсе не меня. Он выглядел разочарованным, когда увидел, что я одна.

– И что?

– Был вежлив. За то, что я нанесла ему визит вежливости, он составил мне протекцию перед монахами. Меня пустили на небесные похороны. Правда, показали мне место у стены, откуда почти ничего не видно.

Я внутренне передернулась.

– И как тебе?

Алка с безразличием пожала плечами.

– Как в разделочной, и запах ужасный. Если бы монахи не жгли свои благовония, я бы сознание потеряла или, что еще хуже, – меня бы вывернуло.

– Это хорошо, что ты сильно сердилась на своего бывшего. Иначе с ума сойти можно, глядя, как разделявают того, кто еще недавно делил с тобой постель. Только не понимаю...

Алка внимательно посмотрела на меня.

– Чего?

– Как они решились избавиться от трупа иностранца? Да еще таким ритуальным способом. У них же дебет с кредитом на границе не сойдется.

Подруга лишь махнула рукой.

– Подумаешь, невидаль. У них тут партиями пропада-

ют. Глупые иностранцы начитаются всякой ерунды и лезут на священную гору Кайлас. Там таких неподготовленных к встрече со святым местом и с жесточайшей гипоксией за каждым камнем знаешь сколько валяется? Редко кто выживает. Просто пропадают и все. Формально их, конечно, ищут, но реально просто ждут, когда какие-нибудь смельчаки придут в полицию с заявлением, что видели труп в горах, а еще лучше им этот труп притащат. А как опознать его? Звери расправляются с телом за одну-две ночи.

Меня передернуло от таких рассказов и от обыденного тона, с которым Алка рассказывала про европаломников.

– Наверное, твой Ян кому-то помог в прошлой жизни, раз его не бросили в горах, а принесли в монастырь и скормили грифам, как полагается.

Алка призадумалась.

– Я немного разбираюсь в трупах. Знаю, как должен выглядеть человек после кислородного голода, прежде чем окоченеть. Так вот... Ян лежал на камне, как будто спал.

Холодок пробежал у меня по позвоночнику.

– А может, он... просто спал?

Алка подскочила.

– Не говори ерунды. Хотя... Что-то мне не хочется думать об этом...

На скамейке зашевелилось еще одно мужское тело. Алексей приподнялся на лавке и потянулся:

– Я так со студенчества не спал. Как пациенты?

– Дышат, но бледные. Надо их напоить молоком.

Наша тройца вышла во двор, где стояла наша волосатая ди, привязанная за рога к забору. Алексей нашел котелок, в который в прошлый раз мужик надоил почти литр и протянул его мне:

– Вот. Теперь можете попробовать сами.

Я уставилась на котелок и пожалала плечами.

– Попробовать, конечно, могу, но результат не гарантирую.

Я с опаской приблизилась к корове, но та стояла довольно смирно, не обращая на меня никакого внимания. Вымя у нее было на редкость волосатое, и я поискала рукой соски. Корова вздрогнула и попыталась меня лягнуть. Я отскочила в сторону, но не слишком быстро. Грязное копыто оставило след на рукаве и синяк на руке. Выругавшись прямо в святом месте, я решительно двинулась к корове.

– Зря ты меня рассердила. Теперь держись.

Я осторожно, но крепко сжала сосок, и желтоватая теплая жидкость потекла в котелок. Промучившись не меньше часа, я надоила половину посуды. Алексей недовольно покачал головой:

– На двоих едва хватит. А надо им еще запас оставить.

– Оставлять их здесь одних нельзя. Так что следующая дойка все равно твоя, вот и посмотрим, кто у нас лучшая доярка.

Алка, услышав мои неслыханные речи, запротестовала:

– Я доить не буду.

Алексий презрительно фыркнул:

– Не барское это дело?

Алка согласилась.

– Не барское. Я лучше приведу того, кто умеет.

– Тогда иди в монастырь и поищи среди монахов. Им деньги всегда нужны.

Алка вздохнула, вышла за ворота и нетвердой походкой поплелась в монастырь. Вернулась она через час, не раньше. Мы к тому времени уже напоили наших больных, которые начали подавать признаки активной жизни, и снова уселись на скамье, вытянув ноги на солнышке. Едва взглянув на нас, подруга зашипела:

– Этих идиотов ни на минуту нельзя оставить. Жаль, что вы не в купальниках. Эффект был бы полным.

Мы переглянулись:

– Это ты про что?

– Это я про суперпорцию ультрафиолета, которую вы, как я понимаю, уже получили. Теперь будем ждать покрасневшей кожи и жутких экземных высыпаний.

Она покрутила пальцем у виска и скомандовала:

– Быстро в тень!

Алексий нехотя поднялся:

– Получилось договориться с монахами?

– Получилась. К обеду сюда придет мальчик, он и займется нашей коровой. Можно вообще договориться, чтобы он

присмотрел за нашими больными, и поехать себе в гостиницу. Не мешало бы нам помыться и переодеться,

Я запротестовала:

– Мы не знаем, кто отравил этих двоих. Может, этот самый мальчик. И оставлять на его попечение двух беспомощных мы не можем.

Алка отпрянула от меня, как от прокаженной.

– На кой они тебе сдались? Первая помощь оказана. Смерть им больше не угрожает. Слабоваты, но вполне жизнеспособны. Теперь у них даже корова есть. Так что вполне можем считать задачу выполненной и двигаться дальше.

Я не стала впадать в дискуссию,

– Ал, ты езжай в гостиницу, я еще понаблюдаю за ними. Привезешь мне что-нибудь чистое, а то меня корова уделала.

Алка всем своим видом выражала недовольство. Пока она старалась выглядеть еще более недовольной, чем была на самом деле, у нее в сумочке запрыгал мобильник. Алка отработанным жестом выудила его и приложила к уху:

– Привет, Да. Твоя жена не просто купила корову, она теперь сестра-хозяйка у двух нищих. Может, прошлые грехи?

Я не стала слушать ее излияния. Повернувшись к Алексею, я попросила:

– Сгоняй за лепешками. Там крестьяне продают внизу, у входа в монастырь,

Алексий понимающе кивнул и быстро вышел. Как только его фигура скрылась за поворотом, я накинулась на Алку:

– Слушай, милая, это по твоей милости мы здесь – сопровождаем тебя в твоём путешествии. И эти люди не случайно оказались на нашем пути.

Алка молчала. Потом, словно выдавливая слова, тихо сказала:

– На твоём пути было много людей, но ты не возилась с ними, как с этой старухой.

– У меня такое чувство, что я когда-то знала эту женщину...

Ровно в полдень к калитке нашего временного пристанища подошел молодой монах с умными живыми глазами. Мы уже чувствовали себя как дома, не обращая никакого внимания на толпы туристов и паломников, которые стаями кружили возле странного места и фотографировали двух белых дамочек, ведущих нехитрое хозяйство в тибетской хижине, и молодого светловолосого европеоида, который старательно доил корову и время от времени таскал ей траву и свежие ветки. Монах окинул взглядом все это безобразие и что-то крикнул мальчику в одежде послушника. Тот метнулся обратно к монастырю и вскоре привел другого монаха, постарше. Между этими двумя завязалась громкая перепалка. Я попробовала оторвать Алексея от коровы:

– Чего это они так возбудились?

– Боятся, что вы тут зарабатывать начнете.

– А что, это возможно?

– Говорят, что место бойкое. Старухе его выделили за особые заслуги, а у вас никаких таких заслуг нет, вот и хотят вас отсюда выгнать.

– Скажи, пусть поставят дежурного, который проследит, что у нас тут одни расходы, никаких доходов,

– Это не поможет.

– Почему?

– Знаю я этих монахов! Скажет, что доходы есть, если только мы не дадим ему хороших отступных.

– Насколько хороших?

– Думаю, долларов пятьсот, не меньше.

– Договоримся,

Алка, молчаливо наблюдавшая за нами, решила вмешаться:

– Вложения обязательны?

Я пожала плечами, но ничего объяснять не стала.

– Думаю, что к вечеру старуха совсем оправится, она уже встает. Мальчик еще слаб, но тоже идет на поправку. Так что скоро твои мучения кончатся, и мы сможем наконец поехать в отель.

Монахи спорили, не обращая на нас никакого внимания, как вдруг раздался резкий крик на непонятном мне языке.

Наша старуха стояла в дверях, едва держась на ногах и что-то кричала, показывая пальцем на монаха, которого Алка ангажировала доить корову. Монах побледнел и бросился вон из нашей хижины к монастырю.

Мы обе вцепились в Алексея:

– Что ото было? Почему он сбежал?

– Наша старуха кричала, что это он отравил ее и мальчишку. Вот он и поспешил уйти.

Я многозначительно посмотрела на подругу:

– Я же тебе говорила, что нельзя их оставлять с кем попало! Может, он и доить-то не умеет. Пришел посмотреть, что

тут происходит.

Алка больше не сопротивлялась, решив, что моя болезнь уже не лечится.

– Хорошо, будем сами доить эту страшилую и выносить нечистоты за больными.

Старуха, словно услышав наш разговор, подошла к нам ближе и что-то тихо сказала. Алексей не стал ждать наших вопросов и сам перевел:

– Говорит что-то про молодого мужчину, которого похоронили вчера ночью.

Мы с Алкой переглянулись. Подруга тихо прошептала:

– Так она же в отключке была. Откуда она знает про мужчину и про то, что его похоронили?

– Меня не спрашивай. Ее тоже. Просто слушай, что она будет говорить.

Старуха жмурилась на солнышко, как облезлая старая кошка, и присела на ту самую лавочку, с которой нас утром прогнала Алка. Видно, ультрафиолет на нее не действовал. Она подставила свое сморщенное лицо солнцу и что-то тихо мурлыкала себе под нос.

Алексей кивнул и жестом показал, чтобы мы подошли ближе. Женщина окинула нас оценивающим взглядом и долго что-то говорила. Алексей от изумления даже присел. Он старался не пропустить ни слова, время от времени что-то переспрашивая. Старуха была с ним терпелива, старательно объясняла ему и что-то показывала на пальцах. Когда она

закончила, Алексей поднялся и потащил нас к выходу:

– Пошли отсюда скорее!

– Это еще почему?

– Нордан так сказала. Это ее имя. Нам надо немедленно уходить.

– А как же она сама?

– Она справится. И мальчик уже идет на поправку, так что у нее скоро будет помощник.

Закрывая маленькую дощатую дверь, я встретила глазами с Нордан. Она засмеялась, показывая пальцем на корову, покачала головой и приложила руку к сердцу.

Алексей начал было переводить, но я остановила его,

– Не надо. Я поняла. Расскажи лучше, что она тебе говорила.

– Говорила, что заберет душу, которая гостит в тебе. Что она ее хорошо знает, и еще, что теперь тебя никто не тронет...

Его прервал резкий Алкин вопль.

– Хватит с меня Тибета! Я хочу в отель!

Договориться с машиной было непросто. Все водители кого-то ждали и боялись упустить своих пассажиров. Наша троица не представляла для них никакого коммерческого интереса, пока Алексей не показал заветную хрустящую бумажку. Магическое преобразование унылых лиц произошло в одно мгновение, и мы спустя пару минут уже сидели в довольно чистом автомобиле. Водитель улыбался Алексею, старательно отрабатывая деньги, даже сделал пару лишних кругов по центральным улицам, рассказывая что-то на своем языке. Мы с Алкой дремали на заднем сиденье, оставив Алексея общаться с водителем.

Вход в гостиницу перегораживал старый, побитый горными дорогами джип, пришлось едва ли не протискиваться. Алка с Алексием ушли в номер, а я задержалась, чтобы купить немного кислорода. Я не могла просто зайти в лавку, сначала я разглядывала побрякушки из кости яка, потом примеряла халаты и шарфики. Увлечшись простыми женскими процедурами, я не заметила, как ко мне подошел невысокий господин в бордовом монашеском одеянии. На странной форме английского он вежливо проговорил:

– Надеюсь, что вы в добром здравии.

Я удивилась:

– Спасибо, что вас интересует мое здоровье.

Монах не обратил внимания на мои слова и протянул мне визитку. Я на автопилоте засунула ее в сумочку и собиралась уйти, но он взял меня за локоть и отвел чуть в сторону:

– Вам лучше уехать как можно быстрее. Иначе вам придется задержаться здесь дольше, чем вы планируете...

Он не успел договорить, как его окликнули. Монах побледнел и поспешил к выходу, а я побрела в номер, забыв про кислород.

Шторы были задвинуты, и в номере царил полумрак. Две усталые печальные фигуры сидели в резных китайских креслах с кружками горячего чая. Алка первая заметила меня:

– Почему задержалась?

Я вытащила визитку и протянула подруге.

– Личный доктор Далай-Ламы?!

У меня уже не было сил ни сердиться, ни удивляться.

– Он сказал, что надо уезжать.

Алка пожала плечами и равнодушно вытянулась в кресле.

– Пока тебя не было, я позвонила тебе домой, надо было проверить, справляется ли Маргарита с твоими мужчинами.

– Маргарита? С мужчинами? У меня только один дома, потому что сын уехал куда-то с классом путешествовать. Остался муж.

– Ошибаешься. У тебя дома теперь два мужа. Господин Федоров пожаловал. Твой собственный муж не справился с управлением и попросил у меня Маргариту.

– Федоров – это медицинский магнат?

– Он самый. И теперь у вас дома настоящий штаб, по крайней мере, так сказала Маргарита.

– Что еще донесла твоя фрау Маргарита?

– Что незнакомые люди приходят в дом, не считаясь с порядком дня хозяев, и даже не надевают гостевые тапочки.

– И что?

– Нас там никто не ждет. Так что можно пуститься в путешествие по Тибету.

Алексий уже стал в нашем номере чем-то вроде мебели, которая сама приходит и занимает мое кресло.

– Я за путешествие!

Я опустила прямо на кровать ввиду отсутствия третьего посадочного места и простонала:

– Можно, я буду путешествовать во сне? Мы двое суток не спали, и я даже думать сейчас не хочу о том, чтобы куда-то ехать.

К моему удивлению, Алка меня поддержала.

– Выезжать из гостиницы мы не будем. Страна маленькая, на Кайлас мы не планируем, так что почти все святые места в пределах досягаемости. Будем утром выезжать, а к ночи возвращаться.

Алексий стал серьезен:

– Может, лучше вернуться домой?

Алка только фыркнула на его слова.

– А зачем? Мы здесь еще не все видели.

Недоброе предчувствие поползло по моему позвоночнику и застряло где-то в области лопаток. Алексей, вторя мне, процедил:

– Не зря меня предупреждал шеф, чтобы мы не совались куда не надо.

Я упрямо покачала головой. Алка напряглась:

– Этот жест мне хорошо знаком. Надо готовиться к худшему?

В огромном пустом зале монастыря было тихо. Солнце давно ушло за горизонт, и темнота быстро запутала все вокруг. Чуть слышно было, как гремели на монастырской кухне последние кастрюли, как вешали молодые монахи, дежурившие на кухне, огромные чайники на крюки и выметали сор из закопченной временем кухни. Постепенно все стихало, все приготовления к праздничной раздаче простых монастырских угощений близились к концу, и монахи, зевая, расходились по своим комнатам.

Невысокий пожилой мужчина, одетый в темно-бордовую монашескую тогу, молча стоял у алтаря, подняв голову вверх и тщетно всматриваясь куда-то. Темные колонны рядами уходили в потолок и терялись в вышине монастырских сводов. Шаги, гулко отзываясь в пустом зале для молитв, превали его размышления. Темная худая фигура в сером монашеском одеянии медленно приближалась к тусклому светильнику у алтаря.

– Не ожидал увидеть здесь столь важного господина.

– Почему ты не на кухне?

– Я не кухонный раб, могу, как и все, свободно входить в зал для медитаций. А почему ты не в Индии, со всеми крысами, что бросили нас здесь и удрали со всех ног за сытой жизнью?

Невысокий мужчина усмехнулся.

– Что ты знаешь о моей сытой жизни?

– Говорят, ты неплохо устроился, ездешь по всему миру с лекциями, продаешь снадобья. Приносишь хороший доход своим хозяевам, отчего же тебе не быть сытым? Только не пойму я, почему ты здесь.

Мужчина пристально посмотрел на своего ночного собеседника:

– Ты знаешь о пророчестве.

– Не думал я, что ты до сих пор помнишь про него.

Перед глазами обоих встала картина из далекой прошлой жизни, словно ожили расписанные стены и зашумели воды сокрытого озера. Два мальчика из разных деревень, замазывая штукатуркой стены этого самого зала, нашли темный истрепанный свиток, где с трудом можно было разобрать слова, которые показались им тогда странными. Говорилось, что через сорок Лун они придут в этот зал ночью и встретят того, кто знает секреты бессмертия и лекарства от всех болезней. Туманное обещание чуда привело этих двух немолодых людей сегодня в пустой холодный зал, но кроме теней от флагов, покачивающихся на монастырском сквозняке, старых крыс и отблесков тусклых свечей на стенах ничего не было. Пути их давно разошлись. Один уехал с Далай-ламой в Индию, другой остался в монастыре и пережил все тяготы китайского освоения Тибета. Говорить им было не о чем, и они молча сидели на своих прежних скамьях, вглядываясь в чер-

ную пустоту зала. Издалека слышалось похрапывание стража ворот, пiski летучих мышей под сводами и тяжелое дыхание близкой старости, которая уже цепко обнимала обоих.

Паломники начали стягиваться в холодный монастырский зал, занимая скамьи поближе к двери, чтобы первыми попробовать угощения. Все было как обычно, но взгляд обоих привлекла старуха, которую поддерживал мальчик лет десяти.

– Зачем мы пришли так рано, Нордан?

Старуха погладила маленькую, коротко стриженную головку.

– Потерпи. У меня есть дела.

Она оставила мальчика сидеть, прислонившись к огромной колонне, и подошла к монахам, с ужасом разглядывающим ее. Она подняла грозно свою палку и пошла на них, не обращая внимания на протесты молодых служек, призывающих ее уgomониться.

– Хотите бессмертия?! Тухлые люди с тухлой плотью! Убирайтесь вон отсюда! Ничего вам не найти!

Монахи переглянулись.

– Чего это вы так разошлись, уважаемая?

– Ты пришел сюда за бессмертием?

– Я пришел, чтобы помочь людям преодолеть их болезни!

Старуха хрипло засмеялась:

– Ты пришел, чтобы продать его тем, кто сможет себе это позволить! Уходи прочь!

Она повернулась к другому:

– А ты, лама Дорджен, кухонная крыса, подбирающая объедки своих хозяев, ступай к ним и передай, что Хаддар будет еще тысячу лет искать Зеркало, пока не сдохнет, как монастырская крыса, от голода и злости!

Вокруг них уже начала образовываться толпа, но Старуха все не унималась:

– Передай своему хозяину, что завтра я приду к нему!

Пощумев вволю, старуха вернулась обратно к мальчику, который где-то раздобыл и теперь уплетал монастырскую лепешку. Он достал из-за пазухи еще одну и протянул Нордан:

– Возьми. Еще теплая...

Хаддар не виделся с нею уже лет пятьсот, хотя знал, что она прозябает где-то неподалеку от Дрепунга, у подножия священной горы. Он знал, что так же, как и ему, ей отпущено слишком много. Их время перестало существовать, они словно замерзшие в вечной мерзлоте древние животные, отогреть которых могла только свежая живая кровь. Хаддар знал, что старуха брала учеников и держала у себя по несколько лет – они давали ей ощущение жизни, а она делилась с ними частичкой своего знания. Потому что все, что она знала, не мог бы вместить в себя ни один человек. Нордан была единственной, кого он опасался и с кем приходилось считаться. И вот вчера ему донесли, что она собирается прийти сюда. Хаддар по обыкновению подошел к окну. По

крутой деревянной лестнице поднимались старуха с мальчиком и о чем-то мирно разговаривали меж собой. Хаддар стоял, замороженный отой гармонией утекающей и молодой кипучей жизни. Старуха шла легко, почти не отставала от мальчика. Лишь иногда придерживала его и мягко гладила черную стриженую головку.

– Не спеши, сынок. Нас еще не ждут.

Хаддар покачал головой.

– Я всегда жду тебя, Нордан. Только ты никогда не спешишь ко мне.

Дверь приоткрылась, и молодой служитель спросил:

– К вам посетительница. Впустить?

Хаддар молча кивнул. Дверь распахнулась, и в нее вбежал запыхавшийся мальчик. Следом за ним шла Нордан.

– Нет, малыш, ты посиди в приемной. Я сама поговорю с этим важным господином.

Хаддар оставался безучастным. Он пытался понять, что надо госпоже Нордан в его покоях, куда она еще пару сотен лет назад не вошла бы ни за какие сокровища мира.

– Зачем пришла?

Нордан шумно уселась на сундук возле окна.

– Невежливый ты стал, Хаддар.

– Говори по делу.

Старуха, казалось, не замечала ни его, ни его слов.

– Почему не смотришь на меня?

Хаддар поднял глаза и замер. Нордан хрипло засмеялась.

– Увидел?

– Откуда она у тебя?

Нордан веселилась от души,

– Не ожидал? Да* это она. Душа Тхицун, ведь это ее ты ищешь?

Он промолчал. Старуха продолжала:

– Сдался тебе этот Колодец! И что ты будешь делать с этим Зеркалом? Хочешь помолодеть? А зачем тебе это? Еще не нажился?

Хаддар понимал, что Нордан пришла торговаться. Он готов выслушать ее.

– Чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты выполнил два моих условия, прежде чем я отдам тебе ее душу.

Хаддар поднял руку.

– Мне не нужна ее душа.

Нордан вдруг стала серьезной.

– Конечно. Ты не станешь сам лезть в Колодец. Тебе этот ключ не нужен. Ты хочешь, чтобы кто-то другой открыл его для тебя, рискуя своей жизнью.

Хаддар устало опустил на сундук рядом с Нордан и взял ее руку.

– Я вижу твои условия. Хорошо. Ты не подойдешь к Колодцу пока не выучишь и не отпустишь того мальчика, что пришел с тобой. Пусть так. Я ждал полторы тысячи лет, подожду и еще лет двадцать. Но зачем тебе отпускать ту жен-

щину? Она могла бы вместо тебя...

Нордан мягко отстранила его и поднялась.

– Если согласен – договорились. Я подержу душу пока у себя, я умею с ними ладить. Жди, Хаддар. Недолго осталось...

Ранняя весна продержалась недолго. Зима решительно вторглась в ее владения и застелила все, что не имело собственной крыши. И даже эти самые крыши стояли в огромных шапках снега. Данил, который еще вчера, поддавшись весеннему настроению, приказал сменить резину на своей машине на летнюю, теперь стоял возле окна слегка сконфуженный. Его помощник стоял рядом, всецело разделяя неудовольствие своего шефа. Вернее, это был помощник его помощника, потому что Алексей, секретарь Данила, сопровождал его жену в поездке по Тибету. Хотя этот юноша был весьма толковым, Данилу сейчас сильно не хватало своего секретаря.

– Что будем делать, Даниил Николаевич? Подождем, пока переобуют машину, или поедем на этом?

Данил взглянул на часы.

– Сколько у нас есть?

– Минут сорок-пятьдесят, не больше.

Данил махнул рукой.

– Едем! Сильвестр ждать не будет.

Сильвестр Петрович Федоров – давний партнер и приятель Залесного – отличался крутым нравом и ждать не любил. На публике появлялся мало, даже своего круга у него не было. Поэтому неожиданный визит Сильвестра взбудора-

жил все окружение Залесного. Сам Данил не мог понять, что привело Сильвестра в его захолустье, но вопросов не задавал и на всякий случай дал секретарю задание заказать старому приятелю гостиницу.

Машины заносило на поворотах, но приходилось спешить. Когда машина Залесного въехала на стоянку аэропорта, Сильвестр в коротком темном пальто, с небольшим портфелем в руках уже был на парковке такси. Данил вышел из машины и буквально вытащил приятеля из такси. Сильвестр, хоть и надувал губы, все же был рад, что его встречают не посторонние люди. Возле машины Сильвестр остановился.

– Скажи своему помощнику, чтобы пересел на переднее сиденье.

Данил усмехнулся:

– Может, его за руль посадить, тогда можем вместе на заднем расположиться?

– Ты не девушка, чтобы я с тобой на заднем сиденье располагался. Думаю, что этот мальчик с твоей машиной не справится. Так что давай сам за руль.

– Тебе и девушки не надо, сам капризный, как девушка.

Сильвестр немного сбавил обороты:

– Я не капризный, я опытный, И требовательный.

– Тогда поедешь в гостиницу, раз такой требовательный.

На лице у Сильвестра застыл легкий испуг:

– Зачем в гостиницу? Я не хочу в гостиницу!

– Лена в Тибете, прислугу мы не держим, а готовить я тебе

не буду. Так что если хочешь комфорта, могу отвезти тебя в отель. Правда, больше четырех звезд в нашем городе нет, но горничные и ресторан там круглосуточные.

Сильвестр надулся.

– Слушай, Залесный, я не барышня. Горячая вода у тебя есть, утром мне кофе сварить, обедать можно куда поехать. Вечером тоже как-нибудь перебьемся. Детство вспомним, колбасы купим.

Данил был доволен. Простая угроза гостиницей действовала на Сильвестра безотказно.

– Ладно. Тогда без причуд.

– Договорились.

Сильвестр утонул в мягком кожаном диване заднего сиденья и больше не проронил ни слова до самого дома.

Данил видел, что с приятелем происходит что-то неладное, но при Евгении спрашивать ни о чем не стал. Дома, разлив коньяк по бокалам и устроившись поудобнее, хозяин позволил себе полюбопытствовать:

– Что-то раньше я не замечал у тебя тягу к земле. Здесь большой добычи не водится, что привело тебя в наше болото?

Сильвестр снял очки и потер глаза.

– А ты свое болото хорошо знаешь?

Данил удивился.

– А зачем мне его знать? Мои интересы не здесь. Здесь моя семья.

– Вот и мои интересы не здесь. Здесь моя семья.

Данил окончательно был сбит с толку.

– Твоя семья не может быть здесь. Я бы уже знал об этом.

Сильвестр усмехнулся.

– И от кого бы ты об этом узнал?

– От тебя самого.

– Вот ты от меня и узнал.

– Ты что, дом здесь купил? Мог бы и поприличнее место найти с твоими деньгами.

Сильвестр пристально посмотрел на своего приятеля и покачал головой.

– Я здесь не дом купил, а земельный участок. Хозяин все еще не понимал, куда клонит его гость.

– На кой тебе земельный участок в нашем захолустье?! И сколько гектаров?

– Пару соток на кладбище, чтобы с удобствами. Беседку надо поставить для тех, кто поминать придет.

Данил поставил бокал и откинулся в кресле. Сильвестр разведен. Ради бывшей жены он бы сам суетиться не стал. Холодное предчувствие кольнуло Данила. Он слышал на какой-то тусовке, что у Сильвестра проблемы с дочерью, но не придавал тогда этому значения. Значит, девочка умерла. Но почему он хоронит ее здесь?

– Извини, я не знал... Давно?

– Сегодня утром мне позвонили из вашего морга и просили приехать на опознание.

Данил все же не мог понять, как оберегаемая отцом девочка оказалась в провинциальном морге на юге России.

– Я не знал, что Аня была в нашем городе. Мог бы присмотреть...

– Успокойся, она никогда не была в вашем городе. Так что присмотреть бы ты за ней не смог.

– Почему наш морг?

Сильвестр вздохнул.

– Я сам еще не понял. Служба работает, но концов пока слишком много, и все они тонкие. По одним версиям, не хо-

тели, чтобы она оказалась в моих ведомствах, а по другим – они специально ее сюда везли.

Данил включил мозги.

– Если кто-то не хотел, чтобы девочка оказалась в одном из твоих моргов, зная твой крутой нрав, это можно понять. Я бы тоже не принял этот груз на себя. Но откуда версии, будто кто-то намеренно ее сюда вез? В Москве что, моргов маловато? Зачем рисковать и везти тело в такую даль?

– Человек склонен к излишнему риску. В этом причина гибели неповинных.

Данил вдруг понял, что этот немногословный человек пережил больше, чем хотел бы вынести. И у него дома теперь, надо полагать, будет штаб. Он потянулся за мобильником и, вздохнув, спросил:

– Помочь могу?

Сильвестр пожал плечами:

– Все уже сделано. Осталось завязать последние ниточки.

Данил улыбнулся.

– Ты даже шнурки себе завязать не можешь. Все ботинки на липучках, как у маленького.

Сильвестр, глядя на странное выражение лица Данила, нехотя засмеялся.

Данил проснулся от страшного грохота на кухне. Быстро накинув халат, он поспешил на место катастрофы. Сильвестр посреди кухни со страшной бранью собирал с пола осколки посуды. Возле него стоял огромный черный петух и пытался клюнуть его в темечко. Данил, стараясь побереечь самолюбие гостя, отодвинул Сильвестра от черной лужи на полу и замахнулся полотенцем на петуха. Сильвестр, с ненавистью глядя на странное существо, поинтересовался:

– Здесь у вас не все динозавры вымерли?

– Если ты про орпингтона, то это к Ленке. Она притащила с какой-то фермерской выставки этого монстра и теперь любит его больше родного мужа.

Сильвестр сочувственно покачал головой.

– И за что мы их терпим...

– Это ты про жен или про орпингтонов?

Сильвестр начал понемногу привыкать к страшиле и даже протянул ему бутерброд с колбасой. Гигантский петух не успел поинтересоваться, что ему предлагают, как Данил подскочил к Сильвестру и выхватил бутерброд. Сильвестр уже ничему не удивлялся.

– Я не знал, что ты такой голодный, я бы сначала тебе предложил, извини.

Данил прошипел в ответ нечто нечленораздельное, потом

добавил:

– Жена тебя самого скормит этому петуху, если ты нена-роком испортишь ему пищеварение. Хлеб запрещен, от этого у него что-то там бродить начинает.

– Тогда давай дадим ему колбасы, от соевых бобов ему ничего не будет.

Данил призадумался:

– Про колбасу никаких инструкций не было, можно по-пробовать.

Сильвестр протянул один кусок колбасы петуху, а другой быстро засунул себе в рот, чтобы потом не делиться, если колбаса вдруг петуху понравится. Петух зажал колбасу в ког-тях, с удовольствием отрывал куски и быстро сглатывал, так что за пару минут на полу ничего не осталось. Сильвестр от-крыл холодильник и достал еще порцию. Данил к тому вре-мени справился с уборкой и присоединился к странной па-рочке. Вскипятив чайник и поставив на стол две чашки, он сделал неудачную попытку прогнать петуха:

– Давай, Патрик, иди к себе.

Петух уперся и твердо стоял посреди кухни, рассчитывая на добавку. Его огромный ярко-алый гребень трясся от воз-мущения.

Сильвестр вместе с горячим чаем обрел душевный покой и поинтересовался:

– А почему этот монстр на кухне ночью промышляет?

Данил усмехнулся:

– Он про тебя то же самое может спросить. Ты сам-то что делал здесь в такую рань? Не спится?

– Это для тебя рань. Уже скоро семь, самое время съесть кого-нибудь.

Сильвестр с опаской протянул петуху последний кусок колбасы. Петух быстро выхватил добычу вытянул голову над столом, оглядел остатки трапезы и, не найдя ничего привлекательного, пошлепал по направлению к зимнему саду. Через пару минут раздался оглушительный петушиный рев. Сильвестр чуть снова не выронил чашку с горячим чаем:

– Чего это он так орет?

Данил вздохнул.

– Жена говорит, что это он поет. Распеваться он начинает с трех часов ночи, и до восьми этот будильник уже не выключается.

– А он тебе точно нужен?

Данил, согреваясь, прихлебывал чай и размышлял:

– Он у жены вместо собаки, так что...

– Боюсь спросить, что у твоей жены вместо кошки.

При слове «кошка» Данил побледнел и вылетел вон из кухни. Вернулся он с огромным полосатым котом. Довольно улыбнувшись, уселся на свое место, положив кота рядом с собой под стол.

– К счастью, все в порядке. Если бы я про него забыл, лишился бы хорошего секретаря.

– Кошка как кошка, я думал, снова чудище какое-то. Та-

ких петухов я раньше никогда не видел. Проснулся я от голода, собрался культурно выпить кофе с бутербродами, все на поднос аккуратно так поставил, поворачиваюсь, чтобы утащить добычу к себе в комнату и там насладиться банкетом, а на меня смотрит это чудовище. Я с перепугу поднос выронил, ну а дальше ты знаешь...

Незатейливая утренняя беседа плавно переросла в рабочий день. Сильвестр расположился во временно опустевшем кабинете Елены и немного странно смотрелся среди швейных машинок, компьютеров и старых карт Вселенной. На стенах висели цветные гравюры, с которых дамы всех времен и возрастов являли миру свою красоту. Сильвестра заинтересовала непальская красавица верхом на остророгом быке. Он постоял немного в одиночестве, потом позвал Данила:

– Китайский вариант похищения Европы?

– Это вряд ли. Европы тогда для них не существовало. Эта девушка – дочь царя Непала, едет с особым подарком в дом своего мужа, царя Тибета. Видишь, за ее буйволом статуя Будды? Говорят, что эта статуя шла сама, особенно на крутых горных перевалах...

Сильвестр был не в духе, но Данил и не ждал от него приятного обхождения. Оба молча сидели в машине, каждый думал о своем. Снег резко прекратился, и за окнами накрапывал противный мелкий дождь. Машина едва проходила по чавкающей грязи из жирной глины нового кладбища. Остановившись на обочине, Данил посмотрел на Сильвестра.

– Кажется, здесь. Вот номер участка, можно посмотреть.

Сильвестр, поморщившись, спрыгнул вниз и тут же увяз в своих тонкий ботиночках по самую щиколотку. Выругавшись, он махнул рукой Данилу:

– Лучше не выходи. Я сам посмотрю участок. Если не понравится, придется возвращаться и начинать всю канитель сначала.

Данил аккуратно, подобрав полы своего нового пальто, спустился на мокрую землю. Посмотрев на Сильвестра, сказал:

– Стой на месте. Я сейчас.

С этими словами обошел машину и нажал кнопку багажника. В багажнике был технический беспорядок – коробки, палатки и котелки лежали вперемешку и являли характер хозяина.

– Хорошо, что я не дал водителю убраться здесь, вот и пригодилось.

Он пошарил в коробках и вытащил резиновые сапоги. Бросил их Сильвестру и сказал:

– Если не наденешь, обратно в машину не пущу.

Сильвестр нахмурился:

– Ты хочешь, чтобы я простудился? Резина зимой?

Данил улыбнулся.

– Свои ботиночки ты уже вряд ли найдешь в этой грязи, так что не вредничай, одевайся, как внедорожник.

Сильвестр с большим трудом, держась за дверцу машины, переобулся и бросил испорченные ботинки в коробку.

– Жалко выбрасывать. Удобные, может, кто их реанимирует.

Данил посмотрел на телефоне номер участка и включил навигатор.

– Это недалеко.

Они медленно двинулись на северо-запад, отсчитывая металлические колышки, вбитые в землю. На одном из них была табличка с надписью масляной краской «№ 167. Продается». Сильвестр огляделся,

– От дороги недалеко. Дерево большое на участке, это хорошо. Беру.

Данил выдернул табличку и бросил на землю. По пути к машине он набрал помощника:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.